

III.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. С. ПУШКИНА.

—

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности; въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. — Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей — за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другіе, болѣе достойныя замѣчанія; скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ Прусскаго выходца *Радши* или *Раши* (мужа честна, говоритъ Лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ

Россію во время Княжества Св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Повадовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. — Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей Исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлвшихъ отъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, Исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ, въ эпоху Самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междоусобія начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на Царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольный Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру.) При Петрѣ I-мъ сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ уличенъ былъ въ заговоръ противу Государя, и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковниннымъ. Прадѣдъ мой, Александръ Петровичъ, былъ женатъ на меньшей дочери Графа Головина, пераго Андреевскаго Кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія, зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, Левъ Александровичъ, служилъ въ Артиллеріи, и въ 1762-мъ году, при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человекъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на солонѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму, за миную или настоящую ея связь съ Французомъ, быв-

шимъ учителемъ его сыновей и котораго онъ, весьма феодално, повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды вельмъ онъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой вельмъ кучеру остановиться и она въ каретѣ разрѣшилась.—чуть ли не моимъ отцемъ. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и въ бриліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говоритъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополь, какъ то досталъ его изъ Сѣраля, гдѣ содержался онъ аманатомъ и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Избрагима въ Вильнѣ въ 1707-мъ году, съ Польскою Королевою супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ. Но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года, Ганибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, и вступилъ во Французскую службу; во время Испанской войны, былъ въ голову раненъ, въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его біографіи) и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое

время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ I неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волею возвратиться въ Россію, или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганибалъ, немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганибала въ Бомбандирскую роту Преображенскаго полка Капитанъ-Лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея Капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго, судьба его перемѣнилась. Меньшиковъ, опасаясь его вліянія на Императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ Двора. Ганибалъ былъ переименованъ въ Маіоры Тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ порученіемъ измѣрить Китайскую стѣну. Ганибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меньшикова, и надѣясь на покровительство Князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганибала, отправя его тайно въ Ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда Императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганибалъ написалъ ей Евангельскія слова: помяни мя, егда приидеши во Царствіе свое. Елисавета тотчасъ призвала его ко Двору, произвела его въ Бригадиры, и вско-

ръ потомъ въ Генераль-Маіоры и въ Генераль-Аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Петербургской, въ первой Зуево, Боръ, Петровское и другія; во второй Кобринно, Суйду и Танцы; также деревню *Раголу*, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ Оберъ-Коммендантомъ. При Петръ III, вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говорить его Нѣмецкій біографъ); въ 1781 году на 93 году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на Французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ при себѣ сжечь, вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганибаль, такъ же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ мой Пушкинъ. Первая жена его красавица, родомъ Гречанка, родила ему блѣую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее себѣ на глаза. Вторая жена его Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него, въ бытность его въ Ревель Оберъ-Коммендантомъ и родила ему множество черныхъ дѣтей обо-го пола.

Старшій сынъ Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки воли родителя, отличился и ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе.—Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. — Его по-становленія до нынѣ уважаются въ полуденномъ

краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганзибала и надѣла на него Александровскую ленту; но онъ оставилъ службу, и съ тѣхъ поръ жилъ, по большей части, въ Суйдѣ, уважаемый всеми замѣчательными людьми славнаго вѣка; между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая ни какихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой Осипъ Абрамовичъ; настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея Пьемцакаго произношенія. Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери Тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего, (который доводится внучатымъ братомъ моей матери) и сей бракъ былъ несчастливъ. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пыкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя Императрицы, которая съ живостию вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ; бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ Черноморскій флотъ; 30 лѣтъ они жили разнo. Дѣдъ мой умеръ въ 1707-мъ году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. 11 лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ.—Смерть соединила

ихъ. Они покоятся другъ подле друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

Болезнь остановила на время образъ жизни, избранный мною: я занемогъ гнилою горячкою. Лейтокъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи—но чрезъ 6 недѣль я выздоровѣлъ. Сія болезнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія, одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хотъ это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна, такъ мнѣ надоели во время болезни моей, что весна явилась моему воображенію со всей поэтической своей прелестью. Это было въ Февраль 1811 г. Первые 8 томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постели съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шума и произвело сильное впечатлѣніе; 3000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяць, (чего ни какъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ); примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, до толъ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ—толки были во всей силѣ—признаюсь они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя

удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ открывъ 2-ю часть, прочла въ слухъ: «Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его..... однако!... за чѣмъ не но? Однако! какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? однако!»—Въ журналахъ сго не критиковали. К. бросился на одно предисловіе.

У насъ ни кто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина—за что никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русскаго Истор. свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей, кругъ образованія и познній давно окончанъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усиліе къ просвѣщенію. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего жъ болѣе требовать было отъ историка! Повторяю, что *Исторія Государства Россійскаго* есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ, письменно критиковали Карамзина. М. молодой человѣкъ, умный и пылкій разобралъ предисловіе или введеніе: предисловіе!.... О. въ письмѣ къ В.... пѣнялъ Карамзину, за чѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи Сла-

внѣ, т. е. требовалъ романа въ исторіи—ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне время Тарквинія и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновей, *ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностію*—конечно были очень смѣшны. Миѣ приписали одну эпиграмму, это не лучшая черта моей жизни.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ.—Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ, считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы прочитаеъ, на примѣръ, слѣдующій разборъ Федры, еслибъ къ несчастію написалъ ее Русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета избраннаго Г. сочинителемъ: женщина замужня, мать семейства, влюблена въ молодаго олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!) какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!) Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, возноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ не смѣемъ, объяснить !!! Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына, (!!) послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя писатели, которые и проч., (тутъ личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ

литтература кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! — Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики? хотябъ они были писаны и полатыни. Не такъ ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ разбирають они, каждый день, сочиненія, конечно неравныя достоинствомъ произведенія Рассаина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Еслибъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Ф. Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранить Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравниваетъ съ сукою (!!) «что скажутъ дамы, воскликнулъ бы критикъ, вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ! Въ самомъ дѣлѣ странно! Что за *нѣжнѣйшій* и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать? А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ и не читають, а читають этого грубаго В. Скотта; который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Будемъ справедливы: Г***, нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

Стихъ: *Два вѣка ссорить не хочу*, критику показанъ неправильнымъ. Что гласитъ Грамматика? что

дѣйствительный глаголь, управляемый отрицательною частицею, требуетъ уже не винительнаго, а родительнаго надежа; напримѣръ: я не пишу стиховъ. Но въ моемъ стихѣ глаголь ссорить управляемъ не частицею не, а глаголомъ хочу, ergo правило сюда нейдетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: «я не могу вамъ позволить начать писать.... стихи, а ужъ конечно не стиховъ.» Не ужь-то электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю. Кстати о Грамматикѣ. Я пишу Цыганы, а не Цыгане; Татары, а не Татари. Почему? Потому, что всѣ имена существительныя, кончащіяся на аинъ, яинъ, аринъ и яринъ, имѣютъ свой род. во множественномъ на анъ, янъ, аръ и яръ, а имена множественныя на ане, яне, аре и яре. Всѣ же существительныя, кончащіяся на анъ и янъ, аръ и яръ, имѣютъ во множественномъ именами на аны, яны, ары и яры, а род. на ановъ, яновъ, аровъ и яровъ.

—

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ 5 грамматическихъ ошибокъ, (и справедливо), я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Г***.

—

Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

—

Альфieri изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушаться къ Московскимъ просвирнямъ. Онѣ говорятъ чистымъ и правильнымъ языкомъ.

Московскій выговоръ чрезвычайно измѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы *ц* и *ч* передъ другими согласными въ немъ измѣнены. Мы даже говоримъ *женщины*, но *слогъ* (см. Богдановича.)

Г. Ф***. въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5 главу, замѣтилъ однакожъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею *ужь*, что и называлъ онъ *ужами*, и что въ Риторикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *корова* и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и вѣроятно чиновныхъ называлъ *дѣвчонками* (что конечно не учтиво), между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку называлъ *дѣвою*:

« Въ избушкѣ распѣвая, дѣва прядетъ. »

Шестой пѣсни (Онѣгина) не разбирали, даже не замѣтили въ В. Е. Латинской опечатки. Кстати: съ тѣхъ поръ какъ вышелъ изъ лица, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ латинскій языкъ. Жизнь коротка; перечитывать нѣкогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другой, а ни кто нынче по-латыни ихъ не пишетъ. Въ 14 сто-

лтіи, на оборотъ, латинскій языкъ былъ необходимъ и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго чловѣка.

Г. Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по своему и отсылать въ альманахъ Г. Б., вмѣстѣ съ собственными произведеніями. Стихи, преданныя мною забвенію, или написанные не для печати (напримѣръ: *Она мила, скажу межъ нами*); или которые простительно мнѣ было написать на 19 году, но непростительно признать публично, въ возрастъ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ посланіе къ Ю.); однакожъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе, получаетъ весь отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще *печатный листъ кажется святымъ*. Мы все думаемъ: какъ можетъ это быть глупо, или несправедливо? вѣдь это печатно!

Полтава не имѣла успѣха. Можетъ быть она его и не стоила, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ гораздо слабѣйшимъ произведеніемъ. Журналы взялись объяснить мнѣ причину тому. Они во первыхъ объявили мнѣ, что отъ роду не видано, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что слѣдственно любовь Маріи, (Матрены) Кочубеевой, къ старому Гетману (впрочемъ исторически доказанная), не могла существовать.

«Такъ, что жъ, что ты *честенъ*? хоть знаю да не вѣрю.» Этимъ я не могъ удовольствоваться. Любовь

есть самая своенравная страсть, не говорю ужъ о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ. Я вспомнилъ преданія мифологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазиваю, Олимпію Пигмаліона и принужденъ былъ признаться, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи, или справедливѣе ей принадлежатъ. А Отелло, старый Негръ, плывившій Дездемону разказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа *злой и глупый старичишко* (старичишка, вмѣсто старикъ, ради затѣйливости). Что я изобразилъ Мазепу *злымъ*, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу особенно въ минуту, какъ онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. *Глупость* челоуѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ *точь въ точь* какъ и въ исторіи. Рѣчи объясняютъ его историческій характеръ; недовольно, если критикъ и рѣшится, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо; не худо, если онъ чѣмъ нибудь это и докажетъ. — Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что Малороссійскій Гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ, мститъ не захочетъ; опять исторія, опроверженная литературною критикою, *опять хоть знаю да не вѣрю*.

Мазепа, воспитанный въ Европѣ, въ то время, какъ понятія о дворянской чести были въ высшей степени силы. Мазепа могъ помнитъ долго обиду. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокій, постоянный. Хмельницкій, за всѣ обиды, претерпѣвныя, помнится, отъ Чернецкаго, получилъ въ возмездіе, по приговору рѣчи посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Конисскаго).

Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть: слова *усы*, *возжаты*, *вставай*, *разсвѣтаетъ*, его *пора*, показались критикамъ *низкими*, *бурлацкими*. Никогда не пожертвую искренностію и точностію выраженія провинціальной чопорности изъ боязни, казаться простонароднымъ, Славяно-Филогическимъ и т. п.

Говоря о Полтавѣ, критики упомянули однакожь о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его, или справедливѣе, какъ не понимали?

Старый Гетманъ, предвидя неудачу въ моей поэмѣ, бранить молодого Карла и называетъ его мальчикомъ и сумасшедшимъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ Королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ чему не былъ привязанъ; критики ссылались на *собственные* слова Гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любить ее. *Больше славы, больше власти.*

Такъ понимали они драматическое искусство!

Въ В. Е. замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо. Но была тутъ и другая причина: Эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ въ рукописи, названъ былъ Гаремомъ; но меланхолическій эпиграфъ (который конечно лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

Байронъ зналъ Мазепу только по Волтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только карти-

ной челоѵька, связаннаго на дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая. И за то посмотрите, что онъ изъ нее сдѣлалъ! Какое пламенное созданіе! Какая широкая кисть!

Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго характера, который проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона — но котораго (на бѣду моихъ критиковъ), въ Мазепѣ именно и нѣтъ: Байронъ и не думалъ о немъ; онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и все. Если же бы подъ перо его попалась исторія оболъщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ его коснуться сего предмета.

Пора занять Баратынскому на Русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ, едва замѣтили въ молодомъ писателѣ навѣкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшатъ пріѣтствовать его титуломъ генія, за сладкіе стишки нѣжно благодарятъ его въ журналахъ отъ имени челоѵьчества.

Невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе, сравниваютъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное; истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели къ малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. За чѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій — журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностію журналовъ — отъ того ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность — менѣе дѣйствуютъ на толпу, чѣмъ преувеличеніе модной поэзіи — потому ли что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной? Какъ бы то ни было, критики изъясляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположение. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго благонамѣреннаго, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе Эды, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестію разсказа, живостію красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе Эды подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ Сѣверной Пчелѣ и слабому возраженію на нее въ Московскомъ Телеграфѣ.

Какъ отозвался Московскій Вѣстникъ о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между-тѣмъ Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма Блѣсъ, напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе, исполненное оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шуточный и страстный, метафизику и поэзію; два лица являются передъ нами, одно исключительно занимаетъ *интересъ*: характеръ его совершенно новый, развитый соплатоге и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и вы-

разилъ на немъ всѣ оттънки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ укорины, напрасно онъ съ принужденной холодностью говорить о ея смерти, сатирически описываетъ намъ ея похороны, и шуткою кончить поэму свою.— Мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную страстную героиню. Онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна полюбить Нина, онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ и никогда вполнѣ не удовлетворяетъ ни ея страсти, ни любопытству — долженъ былъ сохранить до конца надъ нею роковое свое *вліяніе*.

Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колоѣья; онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую — и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды.

Перечтите его Эду, (которую критики наши нашли ничтожною; ибо, какъ дѣти; отъ поэмы требуютъ они происшествій), перечтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь.

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по своему правильно и независимо, между-тѣмъ

какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія, должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ.— Кромѣ прелестныхъ элегій и мѣлкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть, и столь неудачно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣнены одними знатоками. Первыя юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причину — первой должно почестъ самое сіе усовершенствованіе, зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя мысли и чувства, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идугъ: юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ — а читатели тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ, и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ, только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтъ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами — публика мало ими занимается — классъ писателей ограниченъ — и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи,

какъ о музыкѣ, то есть на обумѣ, по наслышкѣ, безо всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большою частію по личнымъ расчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки; тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третьею причиною — эпиграммы Баратынскаго; сія мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей Русскаго Парнаса — хотя поэтъ нашъ никогда не находилъ ума въ полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими Аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и чувствительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, еслибъ они не существовали.

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень, очень замѣчательны. — Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами благодарными, рѣдко не замѣченными, трудами отдѣлки и отчетливости.